

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9

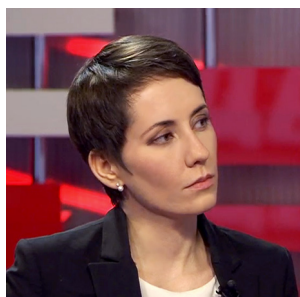
EDN: GGUPZL

Ближайшая периферия бедности: особенности и динамика

Ссылка для цитирования: Слободенюк Е. Д., Белопашенцева П. В. Ближайшая периферия бедности: особенности и динамика // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 105–130. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9; EDN: GGUPZL.

For citation: Slobodenyuk E. D., Belopashentseva P. V. The Near Periphery of Poverty: Characteristics and Dynamics. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 105–130. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9; EDN: GGUPZL.

SPIN-код: 6505-0801

Слободенюк Екатерина Дмитриевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

eslobodenyuk@hse.ru

SPIN-код: 7806-1000

Белопашенцева Полина Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

pbelopashentseva@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ближайшей периферии группы бедных в России – россиянам с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов. В статье поднимаются три вопроса: какова численность и характеристики этой группы россиян, как она изменялись за последние 11 лет (и сохранила ли группа в этой связи характер промежуточной зоны, значительно отличающейся как от группы бедных, так и от остального населения), и нуждаются ли представители этой группы в поддержке со стороны государства (учитывая, что величина их доходов не позволяет им претендовать на значимую часть видов государственной помощи). Для ответов на эти вопросы в статье производится сопоставление с остальными – более высокодоходными и бедными россиянами. Анализ проводился на данных общероссийских репрезентативных исследований «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013 г.) и «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте» (июнь 2023 г., апрель 2024 г.). Исследование показало, что представители

ближайшей периферии бедности по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам, а также по субъективному восприятию жизни стали очень схожи с бедными, но сближение групп происходило преимущественно за счет ускоренных изменений в группе бедных. В результате эти процессы привели по большей части к потере уникальной специфики этой группы как промежуточной зоны, что было характерно для нее в 2000-е. Россияне с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов в 2024 г. сопоставимы с бедными и по характеру повседневных проблем, и по тому, чего они смогли достичь в жизни, а чего достичь уже и не надеются, а отличает их лишь то, что в их рядах отсутствует маргинализирующаяся подгруппа. Как следствие, они практически столь же часто заявляют о необходимости государственной поддержки, даже несмотря на то, что они несколько реже идентифицируют себя с постоянно нуждающимися и чуть больше склонны ощущать ответственность за свою жизнь. В этой связи мы приходим к выводу, что данная группа требует внимания со стороны государства, а расширение перечня мер социальной поддержки, направленного на группу россиян с доходами менее 1,5 прожиточных минимумов, отвечает запросам россиян и своевременен.

Ключевые слова: бедность, периферия бедности, малообеспеченность, низкодходные слои населения, социальное самочувствие, уязвимость, зависимость от государства

Введение

В фокусе анализа находится группа населения, довольно долгое время находившаяся вне поля зрения как государства, так и научного сообщества – ближайшая периферия группы бедных – россияне с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов. Внимание к ней вызвано спецификой момента, который в некоторой степени является уникальным для постсоветской России. Известно, что в 2018 г. Президент В. В. Путин поставил задачу¹ сократить масштабы бедности в стране как минимум вдвое. В его майских указах 2024 г. эта задача была скорректирована и целевым показателем стало 5% к 2036 г.² В отличие от предыдущего периода (до 2018 г.), когда проблема бедности уступала более насущным вопросам³, в последние годы она зазвучала интенсивнее. С 2018 г. перечень мер социальной политики, поддерживающих семьи с детьми, расширился, а ряд уже существующих мер был скорректирован [14], что позитивно отражалось на их положении по мнению экспертов [4; 5; 6]. Кроме того, была произведена и корректировка методологии расчета величины прожиточного минимума.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 04.09.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 04.09.2025).

³ В различные годы с 1998 по 2009 гг. в посланиях Президента слова с корнем «бедн» либо не встречались вовсе, либо 1 раз за всю речь; самое большое внимание ей было уделено в 2003-2004 и 2007 гг., но даже в те годы слова с корнем «бедн» мелькали всего 3-4 раза за всю речь президента [13].

Начиная с 2020 г. он исчисляется не на основании текущих цен, но с учетом инфляции. Сочетание как минимум двух этих изменений – содержательного и методологического – привело к стремительному сокращению численности бедных до масштабов, которые в постсоветской России ранее не наблюдались. Так, самым низким показателем численности бедных до 2018 г. была отметка в 15,4 млн чел. (2012 г.), что соответствовало 10,8% населения, в то время как по состоянию на 2024 г. в России осталось 10,5 млн бедных, что соответствовало уже 7,2% населения страны¹. Более того, о серьезном сокращении бедности и достижении ранее не фиксировавшихся показателей свидетельствует не только государственная статистика, но и оценки социологов, которые обычно дают менее оптимистичную картину [1, с. 81].

Таким образом, согласно данным, поставленная Президентом цель постепенно достигается. Изменяется ли качественным образом жизнь бедных – это вопрос, требующий отдельного внимания, однако отметим, что сами бедные позитивно оценивают изменения в различных сферах жизни, имевшие место в прошедшее десятилетие [2, с. 43–45]. Масштабное сокращение группы с 2018 г. наводит на вопрос о том, что в этой связи происходило с ее ближайшей периферией.

Этой группе россиян практически не уделяется целенаправленного внимания в научных исследованиях, нет единого понятия, обозначающего эту группу и методологию ее выделения, несмотря на многообразие теоретических подходов к феномену бедности и методологий выделения группы бедных. Однако можно зафиксировать две традиции, в рамках которых обосновывались ее возможные границы.

Первая традиция опирается на *абсолютную монетарную* черту бедности, которой в России выступает прожиточный минимум (*далее – ПМ*). Представители периферийной зоны бедности в рамках этого подхода называются «уязвимыми» (к бедности), а граница уязвимости выступает кратной по отношению к ПМ величиной. Эта группа россиян – уязвимых к бедности – интересна исследователям тем, что в периоды рецессий ее представители скатываются в бедность, раздувая масштабы группы бедных. В рамках этой традиции уделяется отдельное внимание выявлению точных границ, кратных ПМ, на основе которых возможно построение социально-экономической структуры населения России по уровню жизни и выделению непосредственно этой группы [3; 10; 11; 15]. Согласно исследованиям В. Н. Бобкова, на сегодняшний день верхняя граница низкого уровня жизни должна располагаться в пределах 3 ПМ (подробное обоснование см. в [3, с. 91]), а ее наилучшее значение соответствует 2 ПМ. Встречается также и граница, соответствующая 1,5 ПМ, тоже попадающая в указанный ранее интервал [10; 12; 18]. Обосновывается это тем, что данная граница используется в нормативных документах для определения адресатов социальной политики: для определения получателей услуг социального

¹ См. в: Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 04.09.2025).

обслуживания на безвозмездной основе – в целом по РФ¹ и по отдельным регионам²; в Указе Президиума Верховного Совета СССР, направленном на поддержку семей с детьми (еще в 1970-е гг.)³, так и для поддержки семей с 2 и большим количеством детей сегодня⁴; этот же уровень доходов выступает границей для пенсионеров, нуждающихся в социальной поддержке в некоторых регионах (одиноко проживающие пенсионеры/семьи пенсионеров)⁵. Интересна эта черта и тем, что такие доходы позволяют семейной паре держаться выше черты бедности (1 ПМ), имея на руках хотя бы одного иждивенца (ребенка), что также особенно важно для социальной политики на сегодняшний день. По всем этим причинам данная категория россиян находит свое отражение и в статистических данных Росстата.

Вторая традиция выявления ближайшей периферии группы бедных относится к немонетарной традиции понимания феномена. В 2000-е гг. было реализовано крупномасштабное исследование, выразившееся впоследствии рядом публикаций (см., например: [8; 9; 16] и др.). Оно было, по сути, единственным, в рамках которого представители ближайшей периферии группы бедных изучались детально. В рамках исследования было закреплено понятие «малообеспеченные слои населения» (3 и 4 страта по разработанному немонетарному критерию – значению Индекса уровня жизни⁶) – как расположенные над бедными слои населения. Было также наглядно показано, что данная группа имела свое собственное «лицо», отличавшее ее как от остального населения, так и от бедных, демонстрировавшее ее промежуточное положение – более благополучное, чем у бедных, но явно менее благополучное, чем у представителей следующей категории россиян – «среднеобеспеченных» слоев населения.

В рамках нашего исследования мы преследуем цель выявить изменения в численности, составе и характеристиках ближайшей периферии официальной группы бедных, отчего следуем первой традиции анализа. В качестве границы анализируемой группы мы используем величину 1,5 ПМ, так как эта группа все больше выходит на авансцену при разработке мер социальной политики в современную эпоху. Однако с целью облегчения восприятия текста читателем далее по тексту мы будем обозначать представителей ближайшей периферии группы как «малообеспеченных», понимая ограничения такого решения.

¹ Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» – статья 31. URL: <https://kremlin.ru/acts/bank/38016> (дата обращения: 04.09.2025).

² Например, Закон Московской области от 04.12.2014 № 162/2014-ОЗ – статья 4.

³ Речь идет об Указе президиума Верховного Совета СССР от 25.09.1974 г. «О введении пособий на детей малообеспеченным семьям».

⁴ Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» – статья 1. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/50822> (дата обращения: 04.09.2025).

⁵ Например, Закон Московской области от 30.12.2013 № 189/2013-ОЗ – статья 2.

⁶ Индекс, разработанный Тихоновой Н. Е., Давыдовой Н. М., Поповой И. П., включающий следующие группы показателей [16]: «1) субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; 2) имущественная обеспеченность; 3) наличие недвижимости; 4) качество жилищных условий; 5) наличие сбережений; 6) возможность использования платных услуг; 7) досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами».

Мы задаемся тремя вопросами о специфике этой группы: 1) как изменились ее численность и «коллективный портрет» с 2013 г., то есть за период резкого обострения отношений России и Запада и параллельно протекавших роста и последующего масштабного сокращения числа бедных в стране; 2) сохраняет ли она свою уникальную специфику промежуточной зоны; 3) нуждаются ли ее представители в помощи со стороны государства?

Для поиска ответов на эти вопросы мы используем данные общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013 г., $n = 1600$) и «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте» (июнь 2023 г., апрель 2024 г., $n = 2000$). Исследования проводились по однотипной модели выборки: репрезентировали население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу и типу поселения. Инструментарии этих исследований включали в себя однотипные вопросы, что позволило сопоставлять и выявлять динамику показателей.

Изменение численности и состава малообеспеченных в сравнении с бедными и остальными россиянами

За наблюдаемый период группа малообеспеченных увеличилась по численности с 22,8 до 28,1%, т. е. на 5,3 п. п. Масштабы бедности между этими двумя точками наблюдения изменились незначительно – с 10,8 до 11,1%, хотя внутри рассматриваемого интервала был значительный прирост их числа и последующее стремительное сокращение¹. Рассмотрим, как изменились составы этих групп.

В таблице 1 приведены социально-демографические характеристики малообеспеченных в сравнении с бедными и остальным населением России, из которых видно, что изменения в группе малообеспеченных происходили в соответствии с общенациональными трендами, обеспечив относительную устойчивость ее профиля. Параллельно с этим в группе бедных изменения происходили ускоренными темпами. *В результате наблюдалось сближение социально-демографических признаков малообеспеченных и бедных.* Проиллюстрируем это рядом сюжетов.

Во-первых, малообеспеченные стали походить на бедных по своей **локализации** – их представительство сократилось в сельских типах поселений и возросло в крупных городах. То же самое происходило и у бедных, только интенсивнее – доля сельских жителей среди них сократилась почти в 1,5 раза. В результате в 2024 г. среди малообеспеченных 40% проживали в сельской местности/ПГТ – это все еще достаточно высокая доля по сравнению с остальным населением. Одновременно с этим среди бедных и малообеспеченных выросла доля представителей, проживающих в крупных городах, что также способствовало сближению портретов двух групп.

¹ По данным исследования ИС ФНИСЦ РАН, проведенного по той же модели выборки в 2018 г. ($n = 4\,000$), бедных насчитывалось 18,1%, малообеспеченных – 26,2%.

Таблица 1 (Table 1)

Социально-демографические характеристики бедных, малообеспеченных и остальных россиян, 2013/2024 гг.¹
Socio-demographic characteristics of the poor, low-income and other Russians, 2013/2024

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообес- печенные	Остальные россияне	Бедные	Малообес- печенные	Остальные россияне
Пол, %						
Мужской	37,3	46,2	50,3	41,2	44,5	48,6
Женский	62,7	53,8	49,7	58,8	55,5	51,4
Возраст, лет						
Среднее значение	39,2	47,1	41,2	47,1	49,9	44,5
Размер населенного пункта, %						
Город (более 1 млн. чел.)	6,7	16,5	32,4	19,0	24,0	32,1
Город (от 500 тыс. до 1 млн. чел.)	2,0	5,8	9,3	4,5	4,6	9,0
Город (от 100 тыс. до 500 тыс. чел.)	2,7	1,3	2,5	11,3	7,7	6,5
Город (от 100 тыс. до 250 тыс. чел.)	6,0	9,1	5,2	5,0	6,6	6,8
Город (менее 100 тыс. чел.)	15,3	26,1	20,5	19,9	19,2	19,3
Сельская местность	67,3	41,2	30,1	40,3	37,9	26,3
Семейное положение, %						
Никогда не состояли в браке	20,0	12,9	22,0	11,8	10,4	19,9
Женаты / замужем	58,7	66,0	61,7	52,9	64,2	59,0
В гражданском браке	6,0	2,5	3,6	5,9	3,2	5,3
Разведены	10,0	6,3	7,4	12,2	8,8	8,6
Вдовы	5,3	12,3	5,3	17,2	13,4	7,2
Размер домохозяйства, чел.						
Среднее значение	3,6	3,1	3,0	3,1	2,8	2,7

¹ Фоном обозначены ячейки, значения в которых имеют статистически значимое отличие от значения в столбце «остальные россияне» на уровне доверительной вероятности 95% (красным – в меньшую сторону, зеленым – в большую). Сумма значений в категории «Особенности состава домохозяйства» не сводится к 100%, т. к. люди, относящиеся к указанным категориям (дети, безработные, инвалиды) могут отсутствовать в составе семьи, а также потому, что член семьи может одновременно соответствовать двум разным категориям (например, ребенок-инвалид); точная формулировка вопроса: «Есть ли среди членов Вашей семьи, проживающих вместе с Вами, в настоящее время...» (Отметьте все, что Вам подходит, с учетом Вас самих, и укажите сколько)» (с приведенными в таблице вариантами ответов).

Окончание таблицы 1

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Особенности состава домохозяйства, %						
Есть несовершеннолетние дети в д/х	53,4	44,2	35,5	46,2	36,7	32,3
Есть безработные в д/х	21,3	12,7	5,3	22,2	13,7	6,6
Есть инвалиды 1 и 2 групп в д/х	11,3	9,4	4,8	5,4	10,5	6,2
Доходы, среднее						
Среднемесячный доход на члена семьи, руб.	5 192,3	8 928,5	18 385,6	12 478,0	19 817,8	40 551,8
Личный среднемесячный доход респондента, руб.	9 447	12 798,4	22 078,8	25 964,2	31 579,9	50 928,9

Во-вторых, изменения происходили в **возрастном** составе групп. Малообеспеченные были и остаются несколько старше (в 2013 г. средний возраст по группе составлял 47,1 лет, в 2024 г. – 49,9 лет, что выше среднего по остальному населению в обоих случаях). Средний же возраст бедных за последнее десятилетие увеличился с 39,2 до 47,1 лет, приблизившись как к малообеспеченным, так и к населению в целом.

В-третьих, бедные и малообеспеченные сблизились по **семейному положению**. Ввиду более высокого среднего возраста малообеспеченные стабильно демонстрировали бóльшую (по сравнению с остальным населением) долю вдовых как в 2013 г., так и в 2024 г. У бедных же наблюдался довольно стремительный рост доли вдовых, и на сегодняшний момент их доля даже стала превышать таковую в группе малообеспеченных. Изменения в группе бедных также коснулись доли никогда не состоявших в браке – их представленность снизилась с 20 до 11,8%, что также сблизило портреты двух групп низкодоходных россиян. Обе группы характеризуются отягощающими факторами в виде иждивенческой нагрузки детьми (что ярче выражено у бедных) или инвалидами.

Есть и некоторые отличия малообеспеченных от бедных. Во-первых, это меньшая доля безработных среди них (13,7 против 22,2% у бедных и 6,6% у остального населения). Ранее на примере анализа рисков бедности у профессионалов (специалистов высшей квалификации) было показано, что бедность в большей степени обусловлена рисками, связанными с занятостью [18]. Во-вторых, у малообеспеченных отличается размер домохозяйств, который меньше – ближе к таковому у остальных россиян. В-третьих, можно отметить повышенную долю их представителей, имеющих инвалидов в составе домохозяйства (к чему стоит привлечь внимание, так как в 2013 г. они в большей степени репрезентировали группу бедных).

Таким образом мы приходим к выводу, что изменения за последние 11 лет в группе малообеспеченных были незначительными, едва ли повлиявшими на характерные особенности группы. Однако, за счет интенсивных изменений в группе бедных, группа малообеспеченных сблизилась с последней по своему портрету, постепенно утрачивая свой статус промежуточной. Она во многом стала продолжением группы бедных образца 2024 г. только с чуть более высокими доходами, хотя некоторые отличительные черты групп пока еще сохраняются: малообеспеченность, как и ранее, в большей степени присуща лицам старших возрастов, в т. ч. с инвалидностью, а бедность – более крупным домохозяйствам с детьми. Обе группы также чаще прочих россиян декларируют наличие безработных членов семьи, но бедным это присуще в большей мере. Кроме того, постепенная утрата уникальных черт группой бедных и сближение ее по характеристикам с малообеспеченными позволяет предполагать, что параллельно протекал и процесс сокращения глубины бедности. Это согласуется и с данными ФСГС РФ, согласно которым за рассматриваемый период наблюдалось сокращение дефицита денежных доходов населения¹, и с оценками Счетной Палаты, согласно которым данное сокращение стимулировалось мерами социальной политики, реализовывавшимися с целью сокращения масштабов бедности². Данная тенденция позволяет полагать, что в довольно скором будущем, вероятно, станет актуален вопрос уже не о борьбе с бедностью (так как большая часть бедных будет выведена в малообеспеченность), но о сокращении численности малообеспеченных россиян. Потенциал для этого вполне существует, о чем мы скажем несколько позже.

Рассмотрим теперь в качестве отдельного сюжета уровень образования бедных и малообеспеченных россиян и их родителей, а также их социально-профессиональный состав (табл. 2).

За период с 2013 г. еще нагляднее стала специфика рабочих мест, занимаемых малообеспеченными: им реже, чем россиянам с доходами выше 1,5 ПМ, представляется возможность реализоваться в качестве предпринимателей, руководителей или специалистов высшей квалификации (профессионалов) и чаще – в качестве рабочих и на должностях, не предполагающих высшего образования. Схожая динамика наблюдалась и у бедных. В результате на сегодняшний день малообеспеченные отличаются от бедных незначительно: малообеспеченным несколько чаще присущи позиции служащих без высшего образования, но реже – позиции работников торговли, обслуживания и рабочих специальностей.

¹ См. на официальном сайте ФСГС РФ в таблице «Дефицит денежного дохода (в %)». URL: <https://fedstat.ru/indicator/33385> (дата обращения: 04.09.2025).

² См. в Отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ достижения национальных целей «Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции» и «Снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации», установленных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 2020 г. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/3c9/3c911347504f7a96ff67c94e7ed7d2a6.pdf?ysclid=mb1brxttrx531528698> (дата обращения: 04.09.2025).

Таблица 2 (Table 2)

Социально-профессиональный и образовательный состав бедных,
малообеспеченных и остальных россиян, 2013/2024 гг.
*Characteristics of the human capital of the poor, low-income and other Russians,
2013/2024*

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообес- печенные	Остальные россияне	Бедные	Малообес- печенные	Остальные россияне
Статус занятости						
Работают / в оплачиваемом отпуске	67,3	69,5	83,3	59,7	62,8	75,9
В настоящее время не работают	32,7	30,5	16,7	40,3	37,2	24,1
Социально-профессиональный статус работающих						
Предприниматели, самозанятые и руководители разных уровней	6,5	5,4	9,7	2,3	5,6	12,6
Специалисты высшей квалификации, в т. ч. силовых структур	15,2	21,2	28,9	18,2	18,4	27,4
Служащие на должностях, не требующих высшего образования	18,5	14,9	13,4	15,9	20,7	13,1
Рядовые работники торговли или сферы бытового обслуживания	15,2	14,9	11,3	21,2	16,4	13,5
Рабочие	44,6	43,6	36,7	42,4	38,9	33,4
Образование						
Неполное среднее	6,0	5,6	1,8	2,3	2,0	1,2
Общее среднее	30,7	19,3	12,2	21,3	15,3	13,6
Среднее специальное или незаконченное высшее	47,3	52,8	50,7	55,5	54,2	47,0
Высшее	16,0	22,3	35,3	20,9	28,5	38,2
Образование отца						
Неполное среднее	27,6	23,0	15,2	16,2	14,9	10,3
Общее среднее	33,1	31,5	22,0	31,6	28,0	24,1
Среднее специальное или незаконченное высшее	32,4	36,4	40,9	38,6	39,2	39,4
Высшее	6,9	9,1	21,9	13,6	17,9	26,1

Окончание таблицы 1

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Образование матери						
Неполное среднее	30,6	22,2	13,4	11,0	11,9	7,6
Общее среднее	28,6	32,6	19,9	39,0	27,0	22,4
Среднее специальное или незаконченное высшее	30,6	35,1	42,8	37,1	39,5	40,7
Высшее	10,2	10,1	23,9	12,9	21,6	29,3

Наблюдаемая специфика занимаемых рабочих мест не вполне отражает динамику образовательных характеристик группы. Малообеспеченные ускоренными темпами повышали в последние годы уровень образования; для бедных это тоже было характерно, но пока еще их уровень образования ниже, чем у более благополучных россиян. В результате наблюдается структурная диспропорция образовательных достижений работающих малообеспеченных и занимаемых ими рабочих мест. Если в 2013 г. доля работающих малообеспеченных, занимающих позиции, требующих высшего образования, практически равнялась доле имеющих высшее образование (21,2 и 22,3%, соответственно), то к 2024 г. их соотношение обрело диспропорцию: 18,4% работающих на этих позициях и 28,5% малообеспеченных с высшим образованием. Это свидетельствует о системной недореализации образовательного потенциала малообеспеченных¹ и недостаточной доступности для них в месте проживания среднего специального образования, которое могло бы их устроить². Для бедных же такой диспропорции скорее не наблюдается – с увеличением доли людей с высшим образованием наблюдается увеличение доли квалифицированных специалистов. В целом по профессиональной принадлежности и уровню образования малообеспеченные занимают промежуточное положение – они более образованны, занимают более высокие позиции в профессиональной иерархии, но все же далеки в этом отношении от остальных россиян.

Важно упомянуть и об особенностях социализации малообеспеченных. Из таблицы 2 видно, что уровень образования россиян и в 2013 г., и в 2024 г. был выше того, которого достигли их родители. Однако у малообеспеченных за рассматриваемый период наблюдалась любопытная тенденция – росла доля тех из них, у кого матери получили высшее образование (с 9,9 в 2013 г. до 21,5% в 2024 г.). Это потенциально могло повлиять как на склонность получать высшее образование (что мы отмечали ранее).

¹ Можно предположить, что малообеспеченные россияне следуют адаптационной стратегии, сформированной в 2000-е, делая ставку на диплом о высшем образовании, интуитивно ощущая, что его наличие подстрахует ребенка в жизни (что согласуется с результатами социологических исследований, которые показывают отдачу именно от наличия диплома о высшем образовании [17]).

² Последние исследования также показывают, что качественное высшее образование, способное дать «билет в жизнь» доступно лишь ресурсобеспеченным семьям, отчего менее обеспеченные россияне (к которым относятся и те, кого мы рассматриваем), выбирают более сложные образовательные стратегии [19], однако для них требуется наличие учреждений, предоставляющих среднее специальное образование.

Отметим также, что среди малообеспеченных сократилась доля тех, кто вырос в сельских типах поселений (с 54,5 до 42,2%). Схожая тенденция наблюдалась и у бедных (с 78 до 43%), и у россиян с доходами выше 1,5 ПМ (с 35,3 до 31,7%, соответственно). Однако по итоговым показателям (ввиду того, что в группе бедных эта тенденция вновь была более динамичной), по характеру социализации малообеспеченные демонстрируют большее сходство с бедными, нежели с более обеспеченными россиянами.

Можно сказать, что по уровню образования и социально-профессиональному составу малообеспеченные занимают скорее промежуточное положение: среди них больше людей с высшим образованием и выходцев из семей с высокообразованными родителями, что, по всей видимости, и позволяет им выходить на несколько более высокие профессиональные позиции.

Динамика субъективного восприятия жизни

Теперь коснемся того, как именно складывалась жизнь малообеспеченных россиян судя по их субъективным оценкам – какие изменения произошли в ней с 2013 г., сблизило ли их это с бедными, или же, наоборот, еще сильнее разделило, укрепив положение малообеспеченных как своего рода промежуточной группы. Обратимся к тому, как менялось восприятие различных сторон жизни (табл. 3).

Во-первых, по ряду показателей (примерно по половине) субъективные оценки своего положения у малообеспеченных улучшились, в то время как по оставшимся либо остались без изменений, либо ухудшились, но не критично. Из обозначений фоновой заливкой в таблице 3 видно, что по большей части эти изменения были незначительны и лишь немногим превышали величину статистической погрешности (если не считать ситуацию с одеждой).

Во-вторых, удовлетворенность жизнью у малообеспеченных росла существенно более сдержанными темпами, чем у бедных. Иными словами, по субъективному восприятию качества своей жизни в совершенно разных ее аспектах, бедные «нагоняли» малообеспеченных, становясь практически в той же мере оптимистичными. Проиллюстрировать это способен анализ того, как изменилась разница между негативными оценками у бедных и малообеспеченных в 2013 и 2024 гг. (и аналогичный показатель по числу позитивных оценок). Так, по 15 из 16 позиций разрыв в количестве негативных мнений за 11 лет сократился (более того, по трем сторонам жизни число позитивных оценок и вовсе сравнялось, а еще по трем количество позитивных ответов у бедных в 2024 г. даже превысило таковое у малообеспеченных, причем одна из таких сфер – это общее восприятие своей материальной обеспеченности). Схожим образом выглядит и ситуация с негативными оценками: по 11 из 16 позиций разрыв в количестве негативных ответов тоже сократился (более того, по субъективному восприятию ситуации на работе, возможности реализации в профессии и в уровне личной безопасности число негативных оценок у малообеспеченных даже превысило таковое у бедных, а еще по одной – возможности отдыха в период отпуска – число негативных оценок тоже практически сравнялось).

Таблица 3 (Table 3)

Доля бедных, малообеспеченных и остальных россиян, оценивающих ту или иную сторону своей жизни, как плохую или хорошую¹, 2013/2024 г., %

Share of the poor, low-income and other Russians who rate this or that aspect of their life as bad or good, 2013/2024, %

Показатель	Оценки «плохо»						Оценки «хорошо»					
	Бедные		Малообес- печенные		Остальные россияне		Бедные		Малообес- печенные		Остальные россияне	
	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024
Материальная обеспеченность	42,7	26,8	31,0	25,6	11,9	11,0	5,3	11,4	12,5	9,3	25,7	31,1
Питание	15,3	14,9	9,4	7,5	2,3	2,0	15,3	20,8	27,7	27,5	49,1	50,9
Одежда	27,3	13,6	18,3	9,6	5,8	3,3	8,0	19,1	17,6	22,8	37,8	43,9
Состояние здоровья	18,0	19,9	19,5	17,3	9,4	7,4	16,7	17,2	21,1	23,0	41,0	36,8
Жилищные условия	23,3	11,5	13,0	9,3	9,1	4,9	21,3	27,5	32,7	34,2	38,2	51,5
Отношения в семье	7,3	7,7	4,3	4,3	2,7	2,9	44,0	48,9	56,1	54,7	63,7	64,3
Досуговые возможности	37,8	23,0	24,5	18,5	13,4	10,3	10,8	24,9	20,9	22,3	35,7	41,8
Ситуация на работе (от работающих)	27,1	8,7	11,3	10,2	6,8	5,6	16,7	30,7	29,3	26,4	36,2	42,7
Возможность отдыха в отпуск (от работающих)	43,3	26,9	33,2	26,6	17,7	15,7	8,2	18,5	13,5	18,4	32,4	35,4
Общение с друзьями	10,8	10,2	6,7	5,9	3,8	2,7	37,2	42,3	43,7	46,0	56,9	57,9
Возможность реализации в профессии (от работающих)	36,1	10,2	17,7	16,0	12,1	6,9	16,5	25,2	25,4	27,6	38,3	49,2
Возможность получения необходимых знаний	40,6	22,4	25,6	18,8	13,1	9,4	15,4	16,8	17,3	16,9	32,5	36,5
Место / регион проживания	18,7	9,6	9,2	7,8	7,8	4,4	16,7	28,9	28,6	36,4	38,9	49,7
Положение, статус в обществе	12,2	12,8	8,4	10,5	6,1	4,6	12,8	21,1	19,6	22,6	33,0	35,9
Уровень личной безопасности	20,0	13,1	13,5	15,5	7,9	12,0	11,3	21,7	14,5	21,6	27,9	27,7
Жизнь в целом складывается	11,3	10,5	7,6	9,5	3,6	4,0	14,0	17,3	23,9	18,6	38,5	41,6

¹ Красным фоном обозначены ячейки, значения в которых сократились с 2013 по 2024 гг., зеленым – те, значения в которых увеличились; при этом самым светлым тоном выделены те из них, оценки в которых изменились более статистической погрешности, средним – как минимум в 1,5 раза, темным – как минимум в 2 раза. В таблице не представлена статистика по оценкам «удовлетворительно» и по числу затруднившихся с ответом за соответствующие годы. Точная формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни? (Дайте один ответ по каждой строке)» с вариантами ответов: «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и «затрудняюсь ответить», суммарно дающие 100%.

В-третьих, довольно ярко характеризует две группы низкодоходных россиян и то, что среди них схоже число тех, кто не оценил ни одну сторону своей жизни как плохую. Среди малообеспеченных в 2024 г. таких было 26,5%, среди бедных – 23,1%, в то время как среди других россиян – 43,5%; медианное число сторон жизни, обозначенных как «плохие» было соответственно (в порядке упоминания групп) 3, 3 и 1. Схожее наблюдается и в отношении количества сторон жизни, которые респонденты расценили как хорошие. Так, не более чем одну сторону своей жизни оценили как хорошую 29,9% малообеспеченных, 32,6% бедных, в то время как среди остальных вдвое меньшее число – 16,2%; медианное число «хороших» сторон жизни, насчитывает 3,5, 4 и 7, соответственно. Из данных наблюдений мы делаем вывод, что субъективное восприятие своей жизни малообеспеченными в разных ее аспектах улучшалось, однако более низкими темпами, чем у бедных, а итоговые показатели вновь, как и в случае с социально-демографическими характеристиками, свидетельствуют скорее о сходстве двух данных групп, нежели об их принципиальном отличии, что не позволяет рассматривать малообеспеченных как находящихся в промежуточном положении.

Малообеспеченные похожи на бедных и в том, какие повседневные аспекты своей жизни они расценивают как **проблемные**. В рамках исследования задавался вопрос: *«Приходилось ли вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?»* с возможностью отметить все подходящее. К оценке предлагалось 18 различных позиций (см. табл. 4¹). Как минимум каждый пятый малообеспеченный не отметил ни одной проблемы в своей жизни (22,4%), что вновь сблизило их с бедными (19%) и указало на отличие от остальных россиян (32,5%). Сближает их с бедными и то, что обычно они отмечают по две проблемы (медианное значение), в то время как остальные россияне – только по одной. Сближает их и сам перечень проблем, которые чаще всего упоминаются. Так, среди малообеспеченных хотя бы 20% отметили: 1) проблемы с возможностью получить необходимую медицинскую помощь (20,1%), семейные проблемы (21,5%), плохое материальное положение (27%) и проблемы со здоровьем у себя или членов семьи (41,8%). У бедных отмечены те же проблемы (в порядке упоминания: 21,3, 28,1, 40,3 и 38%), а также еще отсутствие свободного времени, которое они могли бы потратить на то, чтобы «в удовольствие» заняться тем, чем хотелось бы / чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела (22,2 и 19,9%) и проблемы с работой (23,1%). Для остальных россиян все эти проблемы, не считая тех, что связаны со свободным временем и здоровьем, не так актуальны и упоминаются 14–17% респондентов, хотя тоже попадают на высшие позиции рейтинга. Можно сказать, что сами по себе проблемы всех россиян более-менее одинаковы, но *сконцентрированы по-разному*. Это и привлекает основное внимание, если рассуждать о различии/сходстве групп.

¹ К сожалению, по данному вопросу мы не можем предоставить динамику показателей, так как в предшествующие годы в рамках ответа на вопрос ограничивалось число возможных ответов, что нарушает сопоставимость показателей.

Таблица 4 (Table 4)

Доля бедных и малообеспеченных, испытывающих те или иные проблемы в своей повседневной жизни, среди подгрупп, выявленных методом кластерного анализа, 2024 г.¹, %
The share of the poor and the low-income experiencing various everyday life challenges within the subgroups identified through cluster analysis, 2024, %

Показатель	Малообеспеченные (кластеры №)			Бедные (кластеры №)				
	1	2	3	1	2	3	4	5
Плохое материальное положение	49,5	10,5	22,8	62,5	25,0	27,3	30,0	87,5
Проблемы со здоровьем	54,5	0,0	100,0	42,5	25,0	0,0	100,0	70,8
Семейные проблемы	39,9	10,5	13,4	45,0	72,5	0,0	7,5	50,0
Проблемы с работой	41,4	5,5	6,3	40,0	55,0	0,0	5,0	45,8
Отсутствие времени, чтобы заняться тем, чем хотелось бы	34,3	10,1	9,4	75,0	2,5	9,1	20,0	12,5
Проблемы с получением необходимой медицинской помощи	38,9	4,6	19,7	22,5	0,0	0,0	55,0	66,7
Отсутствие времени, чтобы сделать повседневные дела	35,9	7,2	3,1	100,0	7,5	1,3	0,0	0,0
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы	28,3	4,2	2,4	30,0	5,0	7,8	12,5	70,8
Проблемы с детьми	26,3	2,1	8,7	25,0	25,0	5,2	0,0	45,8
Проблемы с жильем	14,1	3,0	3,9	32,5	10,0	5,2	12,5	16,7
Плохое питание	21,2	1,7	0,8	15,0	2,5	6,5	2,5	62,5
Алкоголизм / наркомания у кого-либо из членов семьи	12,6	3,4	3,1	2,5	20,0	1,3	12,5	37,5
Последствия действий со стороны ВСУ	11,1	4,2	3,1	32,5	2,5	1,3	12,5	4,2
Проблемы с одеждой или обувью	14,6	0,8	5,5	10,0	2,5	3,9	5,0	20,8
Одиночество	11,1	0,8	5,5	15,0	5,0	1,3	0,0	25,0
Незащищенность от насилия	7,6	1,3	0,0	7,5	0,0	0,0	2,5	16,7
Проблемы с получением образования	2,5	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	2,5	8,3
Другое	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	1,3	0,0	4,2
Ни с какими проблемами не сталкивались, живут нормально	0,0	53,2	0,0	0,0	0,0	54,5	0,0	0,0

¹ Самым светлым фоном выделены ячейки, значения в которых составляют не менее 33,3% (проблемы, озвучиваемые не менее, чем каждым третьим представителем группы), средним – те, значения в которых составляют от 50 до 75%, самым темным – те, значения в которых составляют не менее 75%. Значения по столбцу не сводятся к 100%, так как респонденты могли указать любое число проблем, с которыми они сталкиваются в жизни. Точная формулировка вопроса: «Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами? (Выберите все, что Вам подходит)».

Окончание таблицы 4

Показатель	Малообеспеченные (кластеры №)			Бедные (кластеры №)				
	1	2	3	1	2	3	4	5
Справочно								
Доля в составе группы (малообеспеченных / бедных)	35,2	42,2	22,6	18,1	18,1	34,8	18,1	10,9
Среднее число проблем	4,4	0,7	2,1	5,7	2,6	0,7	2,8	6,5
Медианное число проблем	4	0	2	6	2,5	0	2	6
Число проблем, упоминаемое не менее, чем 20% членов группы (из 18)	10	0	2	11	6	1	4	11

Двухэтапный кластерный анализ позволил выделить внутреннюю неоднородность групп малообеспеченных и бедных по этому показателю. Среди малообеспеченных выделяются три существенно различающиеся между собой подгруппы, среди бедных – пять подгрупп, которые по степени выраженности и характеру проблем, а также по социальному портрету, также можно объединить в три крупные категории (см. табл. 4).

Первая подгруппа (кластер № 2 среди малообеспеченных) объединяет тех, кто утверждает, что не испытывает всерьез никаких проблем (около 50% из них так напрямую и заявляют, а остальные респонденты в этой группе отмечают только одну проблему). По сути, их основная проблема – это плохое, по их мнению, материальное положение. Таких выявлено 42,2% от числа всех малообеспеченных. Среди бедных тоже присутствует такая группа (кластер № 3), составляющая примерно треть ее состава. Таким семьям достаточно легко оказать поддержку, так как все их проблемы, если таковые вообще фиксируются ими, связаны с материальным обеспечением/финансами, что важно применительно к сказанному ранее о ликвидации массовой малообеспеченности, как о задаче довольно близкого будущего.

Вторая подгруппа (кластер № 3 среди малообеспеченных) отличается тем, что ее представители заявляют о наличии проблем со здоровьем и доступом к медицинским услугам и, одновременно, не довольны своим материальным положением. Аналогичная группа присутствует и среди бедных (кластер № 4). Сближает их то, что иные проблемы они толком и не озвучивают (число проблем совокупно составляет 2 по медиане в обоих случаях). Положение этих россиян существенно изменится с улучшением доступа к медицинским услугам для населения, в том числе – в средних и малых поселениях, для которых эта проблема особо актуальна.

Третья подгруппа (кластер № 1 среди малообеспеченных) объединяет в себе всех тех, кто заявляет о наличии множественных повседневных проблем, но при этом практически не упоминают проблем с алкоголизмом/наркоманией кого-либо из членов семьи. Они утверждают, что на них «все навалилось» – на работе проблемы, дома – семейные дразги и непослушные дети, времени на все не хватает, и в довершение ко всему этому не хватает денег на текущие нужды. Эта группа также находит свой аналог и среди бедных (кластер № 1).

Такой взгляд на проблему высвечивает и сходство малообеспеченных с бедными, и их отличие. Сходство заключается в наличии если не идентичных, то сопоставимых по характеру повседневных проблем подгрупп в их составе, отличающихся только уровнем текущих доходов. Отличие же заключается в том, что среди малообеспеченных отсутствует «маргинализирующееся дно». В группе бедных оно представлено в лице двух подгрупп – кластеров № 2 и № 5, первый из которых объединяет мало востребованных на рынке труда и не обремененных иждивенческой нагрузкой россиян из малых поселений с узким рынком труда, а второй – чрезвычайно неоднородную группу тех, у кого «сошлись все беды разом» (в их числе и пенсионеры из отдаленных поселений, и неофициально трудоустроенные, зависимые от алкоголя лица трудоспособного возраста и пр.).

Маргинализирующимся представителям группы бедных едва ли возможно помочь. Если же речь идет о пенсионерах из сельских поселений, то помочь им можно, но чрезвычайно трудно. Остальным представителям группы бедных помочь вполне реально, причем трети из них – относительно легко, так как их проблемы замкнуты только на нехватку доходов. Таким образом, по характеру повседневных проблем различие между малообеспеченными и бедными присутствует, но преимущественно состоит в отсутствии среди малообеспеченных маргинализирующейся подгруппы.

Теперь к вопросу о том, как воспринимают малообеспеченные свое **положение в структуре общества**. В рамках исследования задавался вопрос: «В нашем обществе есть люди, которых скорее можно отнести к верхушке общества и люди, которых скорее можно отнести к низам общества. Куда бы вы поместили себя на этой шкале (в границах от 1 до 10, при условии, что 1 – низкое социальное положение, 10 – высокое)?» и предлагалось дать ответ по 4 позициям: 1) семья, в которой человек вырос, 2) сам человек 10 лет назад, 3) сам человек сегодня и 4) позицию, на которой хотели бы однажды оказаться. Причем по вопросам № 3 и № 4 возможно было оценить динамику с 2013 г.

Анализ показал, что малообеспеченные ощущают свое положение как срединное (5 ступень по медиане), а хотели бы оказаться «выше среднего» – на 7 ступени. Бедные россияне давали такие же ответы, а вот остальные россияне выбирали чуть более высокие позиции (6 и 8, соответственно). Среди малообеспеченных за последние 10 лет сократилось число субъективно низкостатусных, т. е. ставящих себя на 3 нижние ступени (с 32,9 до 18,2%), и увеличилось число субъективно высокостатусных, ставящих себя на 3 верхние ступени (с 3,8 до 11,4%), хотя такое восприятие положения для них – по-прежнему редкость. Стоит отметить, что тенденция роста субъективных оценок восприятия своего положения наблюдалась у всех россиян, только привела к разным результатам. Так, число субъективно низкостатусных сократилось среди бедных с 34 до 21,7%, а среди россиян с доходами выше 1,5 ПМ – с 16,3 до 7,1%. Число субъективно высокостатусных увеличилось среди бедных по доходам с 2 до 9,5%, а среди россиян с доходами выше 1,5 ПМ с 6,7 до 17,5%. Это позволяет сделать вывод, что *малообеспеченные за последние 10 лет наряду со всеми остальными россиянами ощутили рост своего статуса в обществе, однако по состоянию на 2024 г. они все еще близки скорее к бедным, нежели к более благополучным слоям.*

Итак, хотя и по этим субъективным характеристикам малообеспеченные стали близки к бедным, но преимущественно за счет изменений в группе бедных. Назвать их положение качественно лучшим нет оснований. В этой связи возникает вопрос о том, насколько уязвимо их положение, ведь помощь, которую они могли бы получить у государства, ограничена из-за величины их доходов.

Уязвимость малообеспеченных и необходимость для них государственной поддержки

Степень защищенности малообеспеченных можно оценить, во-первых, особенностями их **социального капитала**. В рамках исследования задавался вопрос *«Могли бы Вы в случае необходимости получить от своего ближайшего окружения или оказать его членам такие виды помощи как...»* с 11 вариантами ответов и возможностью указать все подходящее. В 2013 г. вопрос был практически идентичен, отличалось число вариантов ответов и отсутствовал вопрос о том, какую помощь россияне могут оказать.

В 2024 г. малообеспеченные могли оказать всего 1 вид помощи своим близким (медианное значение), чаще всего – хозяйственно-бытовую (починить кран, отвезти на дачу т. п.). От своих близких малообеспеченные по их ощущениям могли получить уже 2 вида помощи (вновь по медиане) – ту же самую хозяйственно-бытовую, а также одолжить деньги (в основном до 100 тыс. руб.). Это довольно скромные показатели. Однако по этому показателю малообеспеченные не отличаются ни от бедных, ни от остальных россиян (если судить именно по медианным значениям – средние немного различаются¹), причем малообеспеченные даже на фоне бедных характеризуются самым малым средним значением по видам помощи, которые они могут получить в случае необходимости. Согласно предшествующим исследованиям, рассчитывать на серьезную помощь сегодня могут лишь узкие слои населения, которые и сами характеризуются высокой ресурсной обеспеченностью [7]. Таким образом, более качественным социальным ресурсом по сравнению с бедными малообеспеченные, к сожалению, не обладают, но и не отличаются особо скудным социальным ресурсом на фоне остальных россиян.

Во-вторых, о степени защищенности/уязвимости положения малообеспеченных может свидетельствовать **ощущение подконтрольности жизни** и степень **страха перед будущим**. Ниже приведем некоторые данные о восприятии собственной уязвимости и подконтрольности своей жизни разными группами населения (см. табл. 5).

Более чем половине малообеспеченных свойственно ощущать свою зависимость от государственной поддержки (57,9% говорят, что «без поддержки государства их семье не выжить») – такое восприятие для группы типично. По этому показателю они скорее ближе к бедным, среди которых это тоже доминирующая точка зрения, однако у бедных это волнение выражено значимо сильнее и озвучивается 2/3 группы.

С другой стороны, более чем половина малообеспеченных (57,7%) склонны считать, что жизнь человека зависит от его усилий, а не от внешних обстоятельств. По этому показателю малообеспеченные к 2024 г. стали близки к более обеспеченным россиянам, нежели к бедным. При этом за

¹ Средние значения по количеству видов помощи, которые малообеспеченные, бедные и остальные россияне могут оказать своим близким – 1,5; 1,4; 1,9, по количеству видов помощи, которые могут получить – 2,4; 2,7; 3,0, соответственно.

последние 11 лет доля считающих так увеличилась у них почти на 10 п.п. (с 48,1%; у бедных же, наоборот, их доля сократилась с 51,3 до 42,5%; среди остальных россиян она не менялась – 58,4 и 59,1%, соответственно). Рост числа настроенных так среди малообеспеченных – безусловно позитивный тренд, но не стоит его переоценивать, так как его потенциал, предположительно, довольно скоро будет исчерпан (если судить по доле таких в остальном населении). В целом же, как следует из приводимых данных, даже в более благополучных слоях населения соотношение доли россиян, ощущающих себя кузнецами своей жизни, и прочих – 6 к 4. Россияне, пережившие за последний век большое число потрясений, вызванных внешними по отношению к ним самим обстоятельствами, довольно скептически относятся к возможности планировать свою жизнь и всерьез отвечать за нее. Выражается это в недалеком горизонте планирования (хотя малообеспеченные занимают в этом отношении скорее срединное положение).

Таблица 5 (Table 5)

Ощущение защищенности / уязвимости жизни и уверенности в будущем
среди бедных, малообеспеченных и остальных россиян, 2024 г.¹, %
*Feelings of security / vulnerability of life among the poor,
low-income and other Russians, 2024, %*

Показатель	Бедные	Малообес- печенные	Остальные россияне
Высказывали согласие с утверждениями (2023 г.*):			
Вы сможете сами обеспечить себя и свою семью	33,2	42,1	60,1
Без поддержки со стороны государства Вам не выжить	66,8	57,9	39,9
Выбор в дилемме			
Человек сам кузнец своего счастья, и успех, и неудачи – в его руках	42,5	57,7	59,1
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, а не его усилиями	57,5	42,3	40,9
Как часто были довольны, что дела идут по Вашему плану			
Часто	24,0	21,3	34,2
Иногда	60,2	64,1	57,0
Никогда	15,8	14,6	8,8
Как часто чувствовали страх перед неопределенностью будущего			
Часто	30,6	30,1	22,9
Иногда	52,5	53,3	47,5
Никогда	16,9	16,6	29,6

¹ В одном случае приводятся данные по 2023 г. ввиду отсутствия соответствующего показателя в базе 2024 г.; светло-красным фоном выделены ячейки, значения в которых составляют от 33,3 до 49,9% включительно (проблемы, озвучиваемые не менее, чем каждым третьим представителем группы), красным – те, значения в которых составляют не менее 50%.

Продолжение таблицы 5

Показатель	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Как часто испытывали удовлетворенность поддержкой со стороны государства			
Часто	5,5	5,2	10,9
Иногда	45,9	44,0	45,3
Никогда	48,6	50,8	43,8
Как часто чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится			
Часто	34,5	39,5	51,2
Иногда	53,7	52,3	41,8
Никогда	11,8	8,2	7,0
Планируют жизнь			
На 1–2 года вперед	25,1	32,8	40,7
На 3 года вперед и дальше	14,4	13,8	18,4
Не планируют, т. к. считают, что это невозможно	60,5	53,4	40,9
Идентифицируют себя с...			
Людьми такого же материального достатка	25,1	27,8	37,7
Теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	19,5	10,9	8,0

Из данных таблицы 5 также видно, что 4/5 малообеспеченных не могут похвастаться тем, что они могут планировать свои дела, что жизнь складывается так, как они планировали. Не удивительно в этой связи, что 4/5 респондентов этой группы испытывают тревогу или даже страх перед неопределенностью будущего. По этому показателю малообеспеченные практически идентичны бедным; отличие от остальных россиян у них прослеживается, однако чувство неподконтрольности жизни и тревога в отношении будущего свойственны большинству россиян. В отношении этой черты мы можем говорить лишь о большей или меньшей степени, сближающей малообеспеченных с менее благополучными или более благополучными слоями населения.

Рассуждая же о том, чью поддержку он ощущает в своей жизни, каждый второй малообеспеченный утверждает, что вообще не ощущает поддержки со стороны государства, в то время как полное отсутствие поддержки со стороны близких людей ощущает только 1 из 11. Серьезную поддержку со стороны государства ощущают только 5,2% малообеспеченных, а со стороны близких – 39,5%. По этим показателям малообеспеченные вновь ближе к бедным, нежели к более обеспеченным россиянам. Так, среди последних удовлетворенность поддержкой близких существенно выше (более половины уверены в их помощи в трудную минуту) и менее половины недовольны поддержкой государства. Надежда в первую очередь на помощь близких, а не государства – это общенациональная черта, хотя степень ее выраженности (и недовольства государственной поддержкой) различается, и малообеспеченные в этом смысле даже чаще бедных остаются неудовлетворенными.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что по степени субъективно воспринимаемой уязвимости своей жизни малообеспеченные слабо отличаются от бедных, хотя к постоянно нуждающимся они себя обычно не относят. Кроме того, чуть больше склонны к планированию жизни и чуть чаще считают себя ответственными за свою собственную жизнь. Единственное, на что могут полагаться малообеспеченные, по их ощущению, это друзья и родственники, но они мало что могут объективно получить от них.

При этом есть одно тревожное наблюдение, требующее внимания со стороны властей. В ходе исследования задавался блок вопросов: «К чему вы стремились в своей жизни и в каких сферах уже добились желаемого?» с вариантами ответов «Уже добились этого», «Пока не добились, но считаете, что еще добьетесь», «Хотели бы, но вряд ли добьетесь» и «В планах этого не было». К оценке предлагались 22 различные жизненные цели. Не углубляясь в этот сюжет, скажем, что малообеспеченные смогли сформировать себе комфортный микромир и повседневность: 75,3% утверждали, что сумели обзавестись надежными друзьями, 70,8% – смогли прожить жизнь честно, 65,1% – создали семью, 57,1% – смогли воспитать хороших детей. В этом отношении малообеспеченные близки к бедным, для которых также характерно то, что более 50% полагают, что добились этих целей (не считая только воспитания хороших детей) и далеки от остальных россиян (которые в числе уже достигнутых называют практически вдвое большее число позиций, включающих самореализацию в труде). При этом как минимум каждый третий малообеспеченный хотел бы стать богатым, открыть собственный бизнес, хорошо зарабатывать, получить престижную работу, сделать карьеру. Однако они скептически оценивают свои шансы достигнуть всех этих целей. Так, среди тех из них, кто такие цели ставит, 66,3, 59,3, 52,1, 44,9 и 36,4% соответственно считают, что едва ли когда-то смогут достичь их. Схожие показатели наблюдаются и у бедных.

Уязвимость положения малообеспеченных, сближающая их с положением бедных, довольно тревожна. Ключевая задача, которую пока они еще ставят перед собой – своими силами преодолеть невысокий уровень жизни – воспринимается ими как едва ли реализуемая. Стоит понимать, что при восприятии причин этого в структурных предпосылках (что пока что свойственно менее, чем половине представителей группы, но близкому к этому рубежу числу), малообеспеченные могут отказаться от подобных попыток, возложив эту задачу на государство. Отметим, что по данным международного исследования International Social Survey Program, россияне во многом ожидают решения своих проблем именно силами государства, так как видят причины неравенств, существующих в обществе, немеритократичными [20].

Заключение

Взявшись за этот сюжет, мы ставили перед собой цель найти ответы на три вопроса: об 1) изменении численности и портрета группы малообеспеченных россиян с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов (ближайшей периферии бедности), о 2) сохранении характеристик группы,

позволяющих говорить о ней, как о занимающей промежуточное положение и 3) о том, нуждаются ли ее представители в государственной поддержке. Отвечая на первый вопрос, мы показали, что численность этой группы составляет примерно четверть населения и она увеличилась за 2013–2024 гг. с 22,8 до 28,1%. Было показано также, что ее состав менялся слабо и медленно, в то время как состав группы бедных – быстро. Это сблизило две низкодходные страты россиян между собой по основным социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам. Более того, было показано, что они сблизились и по восприятию своей жизни и установкам, что во многом привело к утрате группой малообеспеченных россиян характера «более благополучной». Несмотря на то, что некоторые отличительные черты этой группы пока еще сохранились, на сегодняшний день это во многом – та же бедность. Особенно в этой связи привлекает внимание сходство структур групп, сформированных на основе общности переживаемых проблем. Как первые (бедные), так и вторые (представители ближайшей периферии бедности), делятся на три подгруппы, отличающиеся особенностью проблем, о наличии которых они заявляют, причем примерно 30% первых и 40% вторых – это те, чьи проблемы вызваны исключительно нехваткой денежных средств, а значит их довольно легко «вывести» из трудного положения. Сближает эти две группы и ряд особенностей, свидетельствующих об ином качестве семейных отношений и недовольстве своими детьми – сюжет, достойный более глубокого анализа в будущих исследованиях. Отличием же вторых выступает то, что в их составе нет массовой маргинализирующейся подгруппы. Кроме того, они сталкиваются с проблемами, которые для бедных скорее второстепенны. Так, судя по объективным характеристикам этой группы, они нуждаются в программах поддержки для инвалидов и переквалификации/профессиональной переподготовки. В целом же, видя их сходство с бедными, при ответе на второй вопрос исследования, мы приходим к выводу, что группа малообеспеченных стала скорее «продолжением бедности», утратив уникальный характер «промежуточной». Исходя из сходства малообеспеченных с бедными по их ощущению своей уязвимости, страху перед будущим, по схожести жизненных проблем, в т. ч. по наличию серьезных затруднений с реализацией на рынке труда (что приводит к утрате веры в свои силы и в возможность решить свои проблемы самостоятельно), мы склонны полагать, что запрос к государству от россиян с доходами от 1 до 1,5 ПМ будет усиливаться. Сами они (равно как и остальные россияне) не будут видеть особой разницы между собой и бедными. При этом для бедных со стороны государства существует множество мер социальной политики, в то время как для них – пока еще совсем немного. Этот факт может вызвать либо серьезное напряжение в обществе, либо усиление стратегий, направленных на сокрытие части доходов с целью попасть в число адресатов социальной политики. В этой связи расширение числа государственных мер социальной политики, направленных на категорию россиян с доходами менее 1,5 ПМ, обоснованно и соответствует ожиданиям россиян.

Библиографический список

1. Белопашенцева П. В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 78–90. DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.
2. Белопашенцева П. В., Слободенюк Е. Д., Мареева С. В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.
3. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Колмаков И. Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник ИЭ РАН. 2025. № 3. С. 84–105. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105; EDN: RXGWDH.
4. Борзых А. А., Рощина Я. М. Особенности мобильности домохозяйств по доходам в 2018–2022 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 14 / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2024. С. 110–129. DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: WZBTDL.
5. Воронин Г. Л., Дорофеева З. Е. и др. Российские домохозяйства: динамика доходов, расходов, социального самочувствия (1994–2022 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 14 / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2024. С. 7–97. DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: NDBOAG.
6. Горина Е. А., Тер-Акопов С. А. и др. Сценарное моделирование повышения минимального размера оплаты труда: влияние на монетарную бедность // Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 133–149. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-6-133-149; EDN: SVLWHR.
7. Каравай А. В. Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 134–148. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148; EDN: SGTCZQ.
8. Лежнина Ю. П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 2010. №. 3. С. 36–44. EDN: LTOKVJ.
9. Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремиться? // ИНАБ № 5 – 2008. М.: ИС РАН, 2008. 80 с.
10. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.31754/nestor4469-1419-7; EDN: YSPCNF.
11. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: Ежегодник. Вып. 2(203) / Отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 181 с. EDN: AROVZP.

12. Селиванова О. В., Разумов А. А. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 2. С. 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385; EDN: ELVJFP.
13. Слободенюк Е. Д. Проблема бедности в публичном дискурсе России // Сборник статей аспирантов – 2012 / Науч. ред. К. А. Букин. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 108–139.
14. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего / Науч. ред. Л. Н. Овчарова, О. В. Синявская. М.: ВШЭ, 2022. 186 с.
15. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / Под общ. ред. В. Н. Бобкова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ВЦУЖ, Рузаки, 2014. 287 с. EDN: VYPCVP.
16. Тихонова Н. Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 29–39. EDN: LKYFRR.
17. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082; EDN: URNLWQ.
18. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.
19. Чередниченко Г. А. Перемены в после-школьных траекториях молодежи: социальная дифференциация // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 51–62. DOI: 10.31857/S013216250027362-1; EDN: UQGBZA.
20. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. Support for reducing inequality in the new Russia: Does social mobility matter? // Intersections (Hungary). 2022. Vol. 8. No. 2. P. 175–196. DOI: 10.17356/ieejsp.v8i2.782.

Получено редакцией: 7.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Слободенюк Екатерина Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Белопашенцева Полина Владимировна, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9

The Near Periphery of Poverty: Characteristics and Dynamics

Ekaterina D. Slobodenyuk

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

eslobodenyuk@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4255-5050

Polina V. Belopashentseva**Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia**

pbelopashentseva@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3812-3957

For citation: Slobodenyuk E. D., Belopashentseva P. V. The Near Periphery of Poverty: Characteristics and Dynamics. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 105–130. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9; EDN: GGUPZL.

Abstract. This article analyses the near periphery of the poor group in Russia—Russians with incomes between 1 and 1.5 times the subsistence minimum. The article raises three questions: what is the size and characteristics of this group of Russians, how has it changed over the past 11 years (and whether, in this regard, the group has retained its character as an intermediate zone, significantly different from both the poor group and the rest of the population), and whether members of this group are in need of state support (given that their incomes preclude them from qualifying for a significant portion of state assistance). To answer these questions, the article compares them with other, higher-income and poorer Russians. The analysis was conducted using data from the national representative studies “Poverty and the Poor in Modern Russia” (April 2013) and “The Dynamics of Social Transformation of Modern Russia in the Socioeconomic, Political, Sociocultural, and Ethnoreligious Context” (June 2023, April 2024). The study found that those living on the periphery of poverty have become very similar to the poor in terms of sociodemographic and socioeconomic characteristics, as well as their subjective perception of life. However, this convergence of the groups occurred primarily due to accelerated changes within the poor group. As a result, these processes have largely led to the loss of the unique characteristics of this group as an intermediate zone, which was characteristic of it in the 2000s. Russians with incomes between 1 and 1.5 times the subsistence minimum in 2024 are comparable to the poor in terms of the nature of their daily problems, what they have achieved in life, and what they no longer hope to achieve. The only difference is that they lack a marginalised subgroup. Consequently, they are almost as likely to express a need for state support, even though they are somewhat less likely to identify as constantly needy and are slightly more likely to feel responsible for their lives. Therefore, we conclude that this group requires government attention, and expanding the range of social support measures aimed at Russians with incomes below 1.5 times the subsistence minimum meets their needs and is timely.

Keywords: poverty, periphery of poverty, social well-being, vulnerability, dependence on the state

References

1. Belopashentseva P. V. Official and subjective poverty in Russia: the impact of 2020–2021 events. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 10: 78–90 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.
2. Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D., Mareeva S. V. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 34–59 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.
3. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Kolmakov I. B. Normative-statistical and relative median approaches to the study of population differentiation by standard of living. *Vestnik IE RAN*, 2025: 3: 84–105 (in Russ.). DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105; EDN: RXGWDH.
4. Borzykh A. A., Roshchina Ya. M. Income mobility of russian households in 2018–2022. In Bulletin of Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE (RLMS-HSE). Vol. 14. Ed. by P. M. Kozyreva. Moscow, NIU VSHE, 2024: 110–129 (in Russ.). DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: WZBTDL.
5. Voronin G. L., Dorofeeva Z. E. et al. Russian households: Dynamics of income, expenditures, social well-being (1994–2022). In Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics. Ed. by P. M. Kozyreva. Moscow, NIU VHE, 2024: 14: 7–97 (in Russ.). DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: NDBOAG.
6. Gorina E. A., Ter-Akopov S. A. et al. Scenario modeling of increasing the minimum wage: estimating impact on monetary poverty. *Voprosy ekonomiki*, 2024: 6: 133–149 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2024-6-133-149; EDN: SVLWHR.
7. Karavay A. V. The social capital of Russian society in the face of external shocks of different nature. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2022: 4: 134–148 (in Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148; EDN: SGTCZQ.

8. Lezhnina Y. P. Social'no-demograficheskie faktory, opredeljayushhie risk bednosti i maloobespechennosti [Socio-demographic factors determining the risk of poverty and deprivation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 3: 36–44 (in Russ.). EDN: LTOKVJ.
9. Maloobespechennye v Rossii: Kto oni? Kak zhivut? K chemu stremjatsja? [Low-income people in Russia: Who are they? How do they live? What do they aspire to?]. *INAB No 5 – 2008*. Moscow, IS RAN, 2008: 80 (in Russ.). EDN: PUIGZD.
10. Income Stratification Model of the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018: 368 (in Russ.). DOI: 10.31754/nestor4469-1419-7; EDN: YSPCNF.
11. Monitoring of incomes and living standards of the Russian population – 2023. Yearbook. Iss. 2(203). Ed. by V. N. Bobkov, A. A. Gulyugina. Moscow, IE RAN, 2024: 181 (in Russ.). EDN: AROVZP.
12. Selivanova O. V., Razumov A. A. Working poverty: main trends and regional experience to reduce its level. *Ekonomika truda*, 2023: 10: 2: 279–295 (in Russ.). DOI: 10.18334/et.10.2.117385, EDN: ELVJFP.
13. Slobodenyuk E. D. Problema bednosti v publicnom diskurse Rossii [The problem of poverty in Russia's public discourse]. In Collection of articles of graduate students – 2012 [Electronic resource]. Ed. by K. A. Bukin. Moscow, NIU VSHE, 2013: 108–139 (in Russ.).
14. Social protection in Russia before and after the pandemic: crossroads of the future. Ed. by L. N. Ovcharova, O. V. Sinyavskaya. Moscow, VSHE, 2022: 186 (in Russ.).
15. Sotsialnaya politika, uroven' i kachestvo zhizni: slovar' [Social policy, standard and quality of life: dictionary]. Ed. by V. N. Bobkov. 2nd ed., add. and reprint. Moscow, Rusaki, 2014: 287 (in Russ.). EDN: VYPCVP.
16. Tikhonova N. E. Maloobespechennye v sovremennoj Rossii: specifika urovnja i obraza zhizni [The poor in modern Russia: specific characteristics of their standard of living and lifestyle]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009: 10: 29–39 (in Russ.). EDN: LKYFRR.
17. Tikhonova N. E., Karavay A. V. Dynamics of some indicators of Russians' general human capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 5: 84–98 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518050082; EDN: URNLWQ.
18. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. Poverty among Russian professionals: scale, causes, trends. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2022: 31: 1: 113–137 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.
19. Cherednichenko G. A. Changes in Youth After-school Trajectories: Social Differentiation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 9: 51–62 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250027362-1; EDN: UQGBZA.
20. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. Support for reducing inequality in the new Russia: Does social mobility matter? *Intersections (Hungary)*, 2022: 8: 2: 175–196. DOI: 10.17356/ieejsp.v8i2.782.

The article was submitted on: June 7, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina D. Slobodenyuk, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

Polina V. Belopashentseva, Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher